

Е.И. Майорова

ВОКРУГ ТРОНА МЕДИЧИ

HISTORY
FILES

Елена Ивановна Майорова

Вокруг трона Медичи

Серия «History files»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5978236
Вокруг трона Медичи: Вече; Москва; 2012
ISBN 978-5-9533-6591-8

Аннотация

Флоренция – в переводе с итальянского значит «цветущая». С этим городом самым тесным образом связано восхождение к власти и активная государственная деятельность династии Медичи, чьи представители оставили глубокий след в истории всего человечества. Сначала Медичи пользовались дурной репутацией; их считали завистливыми и мстительными. Среди Медичи встречались даже преступники – воры и убийцы; некоторые за свои деяния были приговорены к смертной казни. Но династия постепенно и неуклонно поднималась к своему олимпу. Последняя в роду Медичи курфюстина Анна-Мария-Луиза в 1843 году завещала все имущество «Флоренции навечно» при условии, что никакая часть сокровищ Медичи не может быть вывезена из города, и они должны быть открыты для всеобщего обозрения. Сделав так, курфюстина от имени своего дома оплатила флорентийцам за ту преданность, которую они питали к этой семье триста с лишним лет.

Содержание

Предисловие	5
Истоки могущества Медичи. Джованни Биччи (1360–1429)	11
Козимо Старый (1389–1469)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Майорова

Вокруг трона Медичи

© Е.И. Майорова, 2012

©ООО «Издательский дом «Вече», 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Города в Италии существовали с античных времен и играли гораздо более значительную роль, чем где бы то ни было в Европе. Они не были подчинены феодальному синьору, поэтому там существовало гражданское общество, процветала свобода предпринимательства, развивались ремесла. Раннему развитию итальянских городов немало способствовало их выгодное географическое положение – в самом центре торговых путей из Европы на Восток, получивших значение со времен крестовых походов. Итальянские купцы использовали войны «за гроб господень» для захвата в свои руки почти всей торговли в районе Средиземного моря. Непримиримы соперники Генуя, Венеция и Пиза вели обширную торговлю с Византией, Ближним Востоком и европейскими странами, ревниво оберегая свои торговые привилегии. Кроме приморских центров рано возвысились города Северной Италии и, прежде всего, Милан, к которому стягивались важнейшие торговые пути из Италии в другие европейские страны.

С торговлей прямо или косвенно было связано возникновение банковской деятельности и возрастающий размах промышленного производства. Милан уже с XII века стал крупным промышленным центром по выделке сукна и оружия. Маленькая Лукка долгое время являлась почти безраздельным монополистом в производстве шелка, а Сиена получила

известность как город ростовщиков. В XIII веке произошло быстрое выдвижение Флоренции, в следующем столетии завоевавшей одно из первых мест в политической и культурной жизни Италии.

Флоренция – в переводе с итальянского «цветущая». По старинному преданию, название произошло из-за огромного множества красивых и душистых цветов, покрывающих весной городские окрестности: фиалок, нарциссов, асфodelей. Летом повсюду благоухали розы. Сосны, буки, оливковые рощи вперемешку с лаврами и цветущими апельсиновыми деревьями со всех сторон окружали прекрасный город, наполняя воздух волнующими ароматами; между камнями зелеными струями бежали по склонам виноградники.

Путь Флоренции XIII–XV веков – переход от голубого дворянского креста к пополланской красной лилии – был определен отменой крепостного права, подорвавшей феодальные отношения. Беднота хлынула в город. Страх перед неуправляемыми массами заставил представителей обеспеченных слоев общества идти на ограничение демократических порядков. Поэтому во многих итальянских городах власть захватывали или представители какой-нибудь богатой фамилии, или просто смелые авантюристы, опиравшиеся на наемное войско. Если император Священной Римской империи, формально являвшийся правителем Италии, даровал такому выдвиженцу разрешение на правление, тот получал возможность именоваться герцогом, как это произошло

с миланскими Висконти; в противном случае правитель назывался тираном, как случилось с веронскими Скалигерами.

Только самые знатные, богатые и многлюдные семьи, обладающие огромными земельными владениями в окрестностях города и множеством зависимых от них земледельцев, противопоставляли себя растущей мощи города-республики. Их представители именовались грандами. Пополаны – горожане, ремесленники и торговцы, имели множество привилегий по сравнению с дворянами, запертыми в замках и башнях. Нобиль-дворянин стремился покинуть свои владения и стать пополаном-горожанином, получить политические права гражданина республики, войти в состав политически полноправной верхушки великого города на «серебряной Арно».

Богатые пополланские семьи, состоящие из купцов и владельцев крупных мастерских, назывались «жирным народом», в отличие от рядовых ремесленников, а впоследствии и наемных рабочих, именуемых «тощим народом». «Жирный народ» занимал промежуточное положение между грандами и низами. Самые сильные семьи, к которым в это время уже принадлежали Медичи, возводили в городе особые башни-крепости, вокруг которых формировались «башенные союзы» двух-трех родственных семей, называвшиеся консортериями. Всего консортерий во Флоренции насчитывалось около 100, и они вели между собой постоянные войны за сферы влияния.

В республике была создана сложная система управления, основанная на недопущении единоличной власти и широком вовлечении граждан в работу государственных органов.

Во Флоренции, как и во всей Италии, происходила ожесточенная борьба гвельфов, выразителей интересов зарождающейся ранней буржуазии, и гибеллинов, стоявших ближе к лагерю нобилей и чужеземца-императора¹. В 1260 году гибеллины победили, и гвельфы вынуждены были покинуть Флоренцию, но вскоре с ослаблением гибеллинов, вернулись.

В начале XIV века нравы итальянцев были грубы; муж и жена ели из одной тарелки. В доме не имелось ножей с деревянной ручкой, насчитывалось не более одной чаши для питья. Дворяне не знали ни свеч, ни подсвечников. В продолжение ужина слуга держал над господским столом факел из зажженного дерева. Простой горожанин ел говядину три раза в неделю и оставлял холодную на ужин. Много людей не пили летом вина. Приданое женщин было незначительно, их одежда на свадьбе проста. Гордость человека состояла в том, чтобы показываться верхом и с оружием. Благородные строили высокие башни, поэтому их так много в городах Италии.

¹ Гвельфы – итальянизированное имя немецкого княжеского рода Вельфов, сторонников жесткого правления пап; гвельфы противились идеям универсальной монархии, требовавшей подчинения чужеземному государю. Гибеллины – противники гвельфов, политическая партия, поддерживающая императоров Священной Римской империи. К партии гибеллинов относились преимущественно представители феодальной знати.

Кругозор средневекового человека был крайне ограничен. Крестьянин, всю жизнь гнувший спину на своем клочке земли, мало что знал об окружающем мире. Его синьор, такой же невежественный, проводил время преимущественно в кутежах и военных предприятиях. Духовные пастыри, являвшиеся часто и земными владыками, единственным источником познания признавали Священное Писание и сочинения отцов церкви. Но в условиях городской жизни психология и интересы человека постепенно менялись. Сама жизнь вызывала потребность в развитии научных и технических знаний. Для того, чтобы успешно вести свои дела, горожанину надо было уметь хорошо считать. Чтобы успешно торговать с заморскими странами, требовалось строить прочные корабли, уметь в открытом море найти путь по карте и небесным светилам. Расширение производства разного рода товаров заставляло искать более совершенные методы обработки металлов и пряжи, изобретать новые инструменты и механизмы.

Раздвинув тесные границы привычного мира, человек вдруг увидел красоту земной, реальной жизни, почувствовал себя хозяином своей судьбы, своего счастья. Он проникся сознанием ценности и высокого назначения своей личности, поверил в свой разум, получил наслаждение от богатства своих чувств.

Постепенно роскошь стала вытеснять воздержанность; появились шелковые материи и богатые меха, платья, укра-

шенные золотом, серебром, перлами.

Шелк стал главным продуктом фабрик в Ломбардии и Тоскане, разведение шелковицы было предписано законом. Флоренция стала богатым городом – банки, сукнодельни, шелковые мастерские способствовали его процветанию.

После угрюмых, с глухими стенами низкими сводами построек Средневековья появились стройные, прекрасные в своих античных пропорциях здания. Как-то разом возникла целая плеяда писателей, философов, живописцев и зодчих, творящих для человека, в своих произведениях стремившихся прославить человека, правдиво изобразить реальную действительность.

Этот культурный расцвет, известный под названием Возрождения, совпал с восхождением к власти и активной государственной деятельности флорентийской династии Медичи, чьи представители оставили такой глубокий след в истории всего человечества.

Истоки могущества Медичи. Джованни Биччи (1360–1429)

Медичи происходили из сельской округи Флоренции. Разбогатевшие крестьяне, они перебрались за стены города и вступили в гильдию менял. Первое упоминание рода относится к началу XII века: некий Кьяриссимо Медичи владел домами-башнями на Старом рынке (около современной площади Республики). Его сын однажды по жребию избирался гонфалоньером справедливости. Имеются сведения, датированные 1300 годом, что Бонаджунта Медичи был избран в состав городского совета (Синьории). Но это кратковременное возвышение не изменило положения фамилии: Медичи не принадлежали к аристократическим верхам, ссужали деньги под проценты и не смогли пробиться в высшее общество. Впрочем, в то время занятие ростовщичеством в Италии не считалось зазорным – вопрос заключался в размере оборотных средств.

Медичи пользовались дурной репутацией по другой причине. Их считали завистливыми и мстительными. Среди Медичи встречались преступники – воры и убийцы; некоторые за свои деяния были приговорены к смертной казни.

В XIV веке Медичи расплодилось очень много: в 1373 году один из старейшин рода сокрушался, что после опусто-

шительной эпидемии чумы осталось всего около 50 взрослых мужчин. Но Черная Жница, как называли в Италии чуму, поражала всех независимо от общественного положения и принадлежности к знаменитому или захудалому роду. Население города сильно уменьшилось. Соответственно и дом Медичи потерял многих своих сыновей.

Постепенно из общей массы представителей рода стали выделяться наиболее выразительные фигуры.

Про Сильвестро Медичи (1331–1388) сохранилось не много сведений. Известно только, что в 1378 году он спровоцировал восстание Чомпи и руководил им. Сильвестро помогал какой-то его родственник – генеалогия рода того времени прослеживается неотчетливо – Аверардо Биччи, по-видимому, банкир, влиятельный человек.

Восставшие добивались образования трех новых цехов: Тинори – красильщиков, Фарсеттаи – портных и Чомпи – чесальщиков шерсти и подсобных рабочих, включавших низы городского населения. Чомпи были самыми многочисленными, активными и неуправляемыми. В сущности, им было нечего терять, и они сражались отчаянно. Повстанцы сожгли родовое гнездо Альбицци, врагов Сильвестро. Представители этого старейшего флорентийского рода с 1210 года занимали высшие государственные должности и играли видную роль в партии гвельфов. На деревенских выскочек Медичи они всегда смотрели свысока, а те, как парвеню, в свою очередь ненавидели их.

На волне возмущения Сильвестро возвели в рыцарское достоинство и избрали главой магистрата. Восставшим казалось, что сейчас и наступит Золотой век; но новое правительство оказалось столь же глухим к нуждам восставших, как и предыдущее. Беднейшее население стало понимать, что их обманули. Лидер бедноты, Лука ди Тотто ди Пацано, сложил с себя рыцарское достоинство, пожалованное ему «жирным народом»; Сильвестро, напротив, был утвержден в нем новым правительством.

В последний день августа 1378 года отряды Чомпи были разбиты правительственными войсками, а их цех упразднен, хотя цехи красильщиков и портных сохранились.

Правительство Флоренции часто менялось, а Сильвестро действовал очень скрытно, постоянно находясь в тени. Уцелев после поражения восставших, он воспользовался доходами с лавок, расположенных на «Новом Мосту» для поддержания своего рыцарского статуса, тоже весьма нового. Впрочем, стоило ему возглавить возмущение против Альбицци, как он был подвергнут остракизму.

Другой влиятельный представитель фамилии Медичи, Вьери ди Камбио, прославился своей удачной финансовой деятельностью. После 1350 года его банк стал самым крупным в городе и открыл филиалы в Риме, Генуе, Брюгге и Венеции. Именно Вьери ди Камбио ввел своего дальнего родственника, способного Джованни Медичи, в круг влиятельных лиц, определявших политику Флоренции.

Собственно, история рода Медичи и его могущества и начинается с этого молодого человека, племянника Сильвестро, Джованни ди Аверардо, называемого Джованни Биччи.

В 1390 году он возглавил римский филиал банка Вьери ди Камбио и завел там множество полезных знакомств. За семь лет, проведенных в Вечном городе, молодой флорентинец взглядом издалека прозрел все тонкости политики Синьории, приобрел понимание соотношения сил в Италии, постиг искусство лавирования и временных уступок. От природы приветливый, он научился ладить с разными людьми, рассматривая и оценивая их с точки зрения собственной выгоды.

В 1397 году во Флоренцию вернулся не только уверенный в себе единоличный владелец независимого банка, но и общественный деятель, подготовленный к борьбе за место в первых рядах избранных.

К этому времени враждебно настроенные соперники из патрициата отобрали у дома Медичи то влияние, которое на недолгий срок сумел ему придать Сильвестро. Отодвинутые в тень, Медичи продолжали успешно заниматься ростовщичеством; от голода семья не страдала.

Джованни, благодаря богатству и осторожности, сумел сплотить вокруг себя партию горожан, которые выступали против врагов его дома – семейства Альбицци. Довольно скоро он занял высокую должность в буржуазной народной партии Флоренции. На этом посту он проявлял большую

осмотрительность. Когда вспыхнуло восстание Чомпи, ему было 18 лет, и он, естественно, выступал на стороне народа. При этом он действовал в полном согласии с семейными традициями, поскольку Медичи в то время демонстрировали свою, по меньшей мере, солидарность с бесправным населением и рассматривались как проводники его интересов. Можно сказать, что они никогда не опасались «врага слева». Когда буржуазия выступила против привилегий дворянства, Медичи встали на защиту горожан и при дальнейшем противостоянии всегда стойко держали сторону народа.

Джованни Медичи был задумчивым и на вид робким человеком. Он не любил выделяться ни стилем жизни, ни одеждой и вел скромное существование в кругу семьи. Не отличаясь яркой внешностью, он, по-видимому, был собою вполне доволен, поскольку посчитал необходимым заказать свой портрет знаменитому флорентийскому живописцу. Это говорило о больших амбициях – написание портрета требовало предварительной договоренности с мастером, времени для позирования, серьезных финансовых вложений, наконец, уверенности, что изображению будет выделено достойное место.

Джованни утверждал – и явно это демонстрировал, – что ему чуждо стремление к официальным должностям, однако с готовностью их принимал, расценивая как само собой разумеющееся. Так было три раза: в 1402, 1408 и в 1414 годах с должностью цехового старшины. В том же 1402 году Джо-

ванни был избран в Синьорию правительства, а позднее, в 1429 году, его главой – гонфалоньером справедливости².

Вместе с пятью братьями он наследовал небольшое состояние отца и сумел его значительно преумножить. Не ограничивая свою финансовую деятельность стенами Флоренции, он заводил деловые связи с другими городами Италии, особенно с Римом, и в 1409 году был официально объявлен банкиром папского двора. Джованни стал вторым по богатству и соответственно по влиянию человеком в городе. Флорентийцы оценивали человека в соответствии с его финансовыми возможностями. Местная поговорка гласила: «Кто ничего не имеет, тот и сам ничто».

В силу своего положения Джованни все больше входил в контакт с дворянством, хотя и оставался настроен в глубине души решительно против него. С другой стороны, он сам принадлежал к новой торговой и промышленной аристократии, которая задавала тон во Флоренции. Финансовая власть фамилии влияла на проводимую ею политику. Степень демократичности взглядов видоизменялась по мере надобности в зависимости от преследуемой цели.

Под личиной бескорыстия Джованни скрывал проникающую, непреклонную волю и гениальные финансовые способности. Он всегда накапливал доходов больше правительства и поэтому держал в своих руках все политиче-

² Гонфалоньер справедливости – буквально «Знаменосец», выборное должностное лицо, облеченное исполнительной властью.

ские инструменты власти. Его стараниями была образована сеть банковских контор – предприятие не столько статусное, сколько чрезвычайно гибкое, ставшее основой могущества рода. На приобретение безграничной финансовой власти он направлял все свои знания и незаурядные способности.

В заслугу Джованни ставили учреждение городского Кадастра 1434 года – управления по сбору налогов. Распоряжаясь налоговыми средствами, он приобрел еще один рычаг для увеличения количества своих сторонников и помощи друзьям, попадавшим в затруднительное положение. Однако делал это столь умело и тактично, что его действия почти не породили недовольных.

Вместе с тем ему в достаточной степени был присущ здоровый цинизм. «Глупец тот, – говорил он, кто ищет для себя опору в небе. Умный человек твердо стоит на земле».

Герб Медичи, знаменитые семь шаров, символизировали, как утверждали сами представители дома, семь отверстий в щите одного из рыцарей Карла Великого, храброго Аверардо, победившего свирепого великана-противника. Карл был так поражен необыкновенной отвагой рыцаря, что позволил ему создать себе герб из побывавшего в сражении щита. Медичи объявили Аверардо своим предком, и семейство владело этим гербом в течение многих лет. Клич «Palle! Palle!» (Шары! Шары!) собирал людей под знамена Медичи. Впрочем, недоброжелатели злословили, что, прежде чем достичь политических высот, первые Медичи промышляли ап-

текарским делом и занимались врачеванием, а круглые предметы на щите – не что иное, как желудочные пилюли. Приемлемым компромиссом для фамилии и ее критиков являлась версия, что один из ранних Медичи лечил самого Карла Великого.

В 1386 году Джованни женился на Пикарде Буэри. Невесте – и это первая женщина, упоминающаяся в истории рода Медичи, – было 18 лет. Происхождение семьи Буэри восходило к временам борьбы между белыми гвельфами³ и черными гибеллинами, когда многие находили убежище в Вероне. Там и родилась Пикарда. О ней известно немного: в конце XIV века большинство итальянских женщин из буржуазных семейств не часто проявляли себя иначе, чем производя и воспитывая потомство.

Со времени Джованни появилось меценатство, поддержка и поощрение искусства и культуры, которыми почти все Медичи прославились в истории. Кроме того, семейными традициями стали мужество, открытое сердце, понимание духовной дружбы.

Среди прочего известна поддержка семейством Медичи антипапы Иоанна XXIII, в миру Бальтазара Коссы, неаполитанского гуманиста⁴, который умер во дворце Медичи в

³ Белые гвельфы – представители умеренного крыла партии (например, Данте); черные гвельфы, гибеллины – радикально настроенные элементы.

⁴ Существует мнение, что этот папа был не столько гуманистом, сколько морским разбойником – пиратом и не придерживался никаких моральных принципов.

1419 году. Это он созвал знаменитый Констанцкий собор и председательствовал на нем. Он воевал с могущественными монархами и предавал их анафеме. Однако в книге «Перечень пап», изданной в 1958 году, Иоанна XXIII не оказалось. Действительно, Иоанн XXIII был отстранен от папского престола и в конце концов сам вынужден был от него отречься. Но до этого в течение пяти лет его признавали главой западного христианства. Позднее сын Джованни, Козимо, приказал возвести ему в баптистерии во Флоренции великолепную гробницу совместными усилиями обоих любимых семей скульпторов, Донателло и Микелоццо.

После смерти Джованни его вдова еще четыре года вела спокойное, незаметное существование в кругу сыновей, невесток и внуков и помогала им как могла. Она умерла 19 апреля 1433 года, в возрасте 65 лет, что для того времени считалось глубокой старостью. Ей не привелось стать свидетельницей неурядиц, которые привели к изгнанию из города ее почтительного и любящего сына Козимо.

Козимо Старый (1389–1469)

С сыновьями Джованни произошло разделение дома Медичи на две ветви.

Первороденный сын Козимо стал основателем более крепкой и жизнеспособной линии Кафаголио, в то время как от Лоренцо произошла так называемая линия Попола-но (народная). Позднее обе линии объединились из политических интересов, когда лишь сообща они могли сохранить свое значение и само право на существование. Они действовали в соответствии со своими демократическими убеждениями, борясь за равные права для всех граждан республики, и пользовались уважением и симпатией народа. Когда же впоследствии они отошли от этой цели, то потеряли власть в городе.

Козимо, который появился на свет в 1389 году, ко времени смерти Джованни уже достиг сорокалетнего возраста. С молодых лет он был посвящен отцом во все тонкости предпринимательства. Однако он не только живо воспринял науку, преподанную ему отцом, но во многом превзошел родительские навыки. Еще молодым человеком он путешествовал по Центральной Европе и открывал там филиалы банков Медичи. Везде он оставлял впечатление человека зрелого, даровитого, имеющего собственное мнение по многим вопросам. Действительно, путешествия и профессиональная

деятельность позволили ему глубоко вникнуть в политическую и экономическую жизнь эпохи, расширили его политический горизонт. Его советов просили, его мнением дорожили, его дружбы искали.

Как и его отец Джованни, Козимо обладал терпением, простотой и, может быть, несколько нарочитой скромностью, но отличался от него в главном стремлении. Быть только богатейшим банкиром значило для него слишком мало, его целью были политика, власть. Но эти свои желания он прятал под личиной честной простоты и благожелательности.

Еще при жизни отца, владея 39 флорентийскими банками, он поставил состояние на службу своим амбициям. Считая, что истинная преданность – только та, что куплена за хорошие деньги, он ненавязчиво, как бы невзначай снабжал средствами своих сторонников, и скоро огромное количество лиц различных социальных слоев уже составляли его клиентуру. Это тотчас же вызвало настороженность, а затем и враждебность других богатых фамилий города: Строцци, Пацци, Аччаиоли и больше всех – Альбицци. С 1382 года Мазо, а затем его сын Ринальдо Альбицци (1370–1442) возглавляли правительство Флоренции.

В 1416 году Козимо вступил в брак с Контессиной Барди, дочерью Алессандро, графа Фернио, и его супруги Милы (или Эмилии) Панночитики. Дворцы Барди, благороднейшей флорентийской дворянской фамилии, подтвержда-

ли голубизну крови и древность рода своих владельцев. Эти дворцы располагались в Ольтарно, старой части города, и в Санта-Кроче. В последнем находилась фамильная церковь с фресками Джотто, изображавшими эпизоды жизни Св. Франциска.

Графское достоинство не мешало Барди выступать в качестве крупных банкиров и совместно с Геруччи являться главнейшими кредиторами короля Англии. Позднее они передали свое право Медичи.

Контессина, происходя из среды высшего дворянства, была рангом выше своего супруга. Ее жизнь являла пример благородства и благочестия. Она преданно заботилась о своих сыновьях и о внебрачном сыне Козимо, Карло, называя мальчиков своей «юной троицей» и уделяя им много материнского внимания.

Козимо приходилось нелегко. Трудности в начале его жизненного пути происходили, может быть, из-за фамильной гордости и были лишь мнимыми, но со временем они обрели все большую материальность.

Он поручил Микелоццо, своему любимому архитектору, возведение нового дворца на Виа Ларга вблизи церкви Сан-Лоренцо, что было особенно по сердцу всему семейству Медичи.

Дворец получился импозантный, гармоничный и жизне-радостно-светлый. По имени одной из своих башен позднее он был назван дворцом Рикарди. Это здание, олицетворяю-

щее силу дома Медичи, было провокацией в глазах соперничающих с ним фамилий. Здесь каждый камень, казалось, свидетельствовал о притязаниях семьи Медичи. Альбицци во весь голос кричали, что Козимо желает захватить власть и позволяет себе иметь почти королевские привилегии; доказательство тому этот вызывающий дворец. Он и сейчас стоит величаво, не замечая проходящего времени.

Разногласия между Медичи и Альбицци становились все более глубокими. Они касались абсолютно всех вопросов городского управления и международной политики. Во время противостояния с Луккой они стали явными. В 1342 году Лукка решила порвать связи с Флоренцией и перейти под власть Пизы, имеющей выход к морю. Козимо настаивал на покорении Лукки – противники Медичи выступали против. Республика, как всегда в подобных случаях, обратилась за военной помощью к иностранцам. Капитаном Флоренции и ее пожизненным протектором был избран француз Готье де Бриенн. Мазо Альбицци в конце концов поддержал планы войны.

Де Бриенн не сумел одержать победы, флорентийские войска понесли поражение. Несмотря на позор, французский авантюрист попытался уничтожить республиканское правление и создать для себя наследственное герцогство. Только всенародное возмущение вынудило его бежать из Флоренции.

Старая вражда Медичи с высокомерными Альбицци под-

питывалась новыми дровишками. Те считали, что неизвестно откуда возникшие слухи о том, что они присвоили общественные деньги, в результате чего флорентийцев разгромили под стенами Лукки, злонамеренно распространяются их противниками. И может быть, они не сильно заблуждались.

Демократия в городе была, пожалуй, сильнее, чем в других итальянских городах-республиках. Правительству, не сумевшему успешно провести военную кампанию, пришлось уйти в отставку.

После смерти влиятельного и уважаемого Никколо Учча-но, всеобщего миротворца, вражда между Медичи и новым главой дома Альбицци, Ринальдо, разгорелась с удвоенной силой. Народ, всегда готовый приветствовать нового героя, поддерживал Альбицци против поднадоевшего Медичи. Город раздирали анархия и борьба фракций. В 1433 году Ринальдо Альбицци одержал победу на выборах в Синьорию.

Козимо, так уповавший на свое влияние, был обвинен в стремлении захватить власть и призван во дворец Синьории для допроса. Близкие убеждали его бежать из города, пока это еще возможно. Однако он, уверенный в своей невиновности, предпочел явиться перед обвинителями и был заключен в палаццо Веккия. Ему инкриминировали подкуп, взяточничество и измену; его сторонников Руччелай и Альтовити обвинили во взяточничестве.

Козимо поместили в небольшую комнату в дворцовой башне. Узника охранял Федерико Малавольта. Из места сво-

его заключения Козимо видел и слышал все, что происходило на площади, и услышанное ему не нравилось. Опасаясь за свою жизнь, он за четыре дня съел только немного хлеба и не притрагивался к другой пище. Видя это, тюремщик заверил, что не собирается его травить; пусть Козимо не опасается за свою жизнь, ибо у него много друзей не только в городе, но и во дворце. И чтобы узник более не боялся, он сам отведал принесенную еду.

Историки единодушно утверждают, что из своего заточения Козимо сумел подкупить гонфалоньера справедливости. Впрочем, говорили и о том, что его помиловали, поскольку многие помнили его великодушие и благородство. Итак, вопреки желанию Ринальдо Альбицци, который требовал смерти своего врага, Козимо был только изгнан из Флоренции. То же самое выпало на долю Аверардо и многих других из дома Медичи.

Спасаясь бегством, Козимо, слава которого разнеслась далеко за пределы города, повсюду был встречен с большой честью. Пистойя и Феррара выражали ему свою преданность; в Венеции его называли «одним из могущественнейших властителей» и приглашали к себе навсегда.

Медичи были сильны не только своими деньгами и деловыми связями, но и расчетливым поведением. Словно мимоходом их сторонники вспоминали о давнишней (1378 год) попытке семьи Альбицци захватить власть в республике и изменить конституцию. Ведь только благодаря бдительности

Сильвестро Медичи, поднявшего народ, удалось предотвратить гибель республиканских ценностей.

Медичи держались просто и старались привлечь на свою сторону народные низы. Поэтому победитель Ринальдо Альбицци не чувствовал себя спокойно и даже подумывал о том, чтобы снова предоставить грандам политические права и сделать своими союзниками. Но один из его соратников решительно возразил, «указав на высокомерие грандов и вообще невыносимый их характер, добавив, что нет необходимости идти в рабство к грандам, чтобы избежать сомнительной опасности со стороны народных низов».

Сторонники Медичи продолжали активно действовать во Флоренции, и благодаря их стараниям в новую Синьорию были избраны, в основном, их ставленники. Альбицци, предвидя для себя недоброе, пытался поднять вооруженное восстание, но его люди проявили нерешительность. Тем временем Синьория ввела в город войска и заняла все укрепленные позиции. После этого было решено вернуть Козимо и всех изгнанников вместе с ним, а Ринальдо Альбицци и его приспешников изгнать. Изгнанию подверглось столько флорентийских родов, что мало было в Италии городов, где бы они не обосновались.

Уже в 1434 году флорентийцы упростили Козимо вернуться обратно в город.

Н. Макиавелли утверждал и, возможно, сам хотел верить, что Козимо возвратился из изгнания триумфатором. На са-

мом деле тот избегал скоплений народа, пробирался домой малолюдными улицами и вечером шестого октября прибыл в свой любимый пригородный дворец – виллу Карреджи.

Его возвращение означало для Флоренции конец республиканского правления, хотя по названию город продолжал оставаться республикой, декларируя принципы и идеалы всеобщего равенства.

В действительности единственным властителем Флоренции был Козимо, как, впрочем, и тогда, когда носил иные знаки власти.

Но как ни иллюзорны были республиканские свободы, они заставляли правителя демонстрировать демократичность и коллегиальность.

Так случилось и тогда, когда Козимо решил вмешаться в события в Миланском герцогстве.

Милан – грозный страж полуострова, расположенная сразу за Альпами преграда для королей Франции, Германии и других европейских соседей, простирающих жадные руки к Италии. Его правители-тираны из страшного рода Висконти незыблемо охраняли свои границы от нападений с севера. К югу же они упорно искали себе новых земель и владений. В 1390 году Джан Галеаццо Великий выступил в поход против Тосканы и захватил принадлежавшие ей Перуджу, Сиену, Пизу, Болонью. Миланские войска были уже почти под стенами Флоренции, когда смерть от чумы Джан Галеаццо избавила город от ужасов осады.

Все достижения Джана рухнули при его старшем сыне Джованни Марии Анджело, который за тиранство был убит народом Милана.

Второй его сын, грубый и коварный Филиппо (1392–1447), тоже не был другом флорентийцев. Когда могущество его окрепло, он, подобно отцу своему Джану Галеаццо, стал подумывать о нападении на Тоскану. Опасность с севера заставила правительство Флоренции объединить (1425) свое войско с отрядами Венеции против Милана, но, потаскав для хитроумных венецианцев каштаны из огня, флорентийцы ничего не получили взамен. Следовало выбирать другую тактику.

После кончины герцога Филиппо, последнего мужского представителя дома Висконти, в условиях тяжелой войны с Венецией на власть в герцогстве претендовал Франческо Сфорца. Происходя из семьи простых землепашцев, Сфорца, благодаря удаче и ловкости достиг высших степеней власти и почета. Он был умен, отважен. Многочисленные победы принесли ему преданность солдат. Франческо верно служил Висконти более 20 лет и, наконец, выслужил возможность жениться на единственной наследнице герцога, его внебрачной дочери Бьянке-Марии, с рукой которой получал власть в Милане.

Зять и тесть не всегда ладили. В 1434 году Сфорца сражался на стороне Флоренции, в то время врага Висконти. Козимо поддержал Сфорца, несмотря на противодействие Ве-

неции и сопротивление Альбицци. Но республиканские настроения в Северной Италии взяли верх: городским патрициатом была создана Амброзийская республика, названная так в честь патрона Милана Св. Амброзия. Она просуществовала недолго – с 14 августа 1447 по 27 февраля 1450 года. Законодательную власть в республике осуществлял Совет девятисот, исполнительную – выборные от кварталов: 24 «капитана и защитника свободы». Однако вожаемые республиканские вольности оказались столь же неугодными миланцам, как и тирания. Притерпевшиеся жить под властью Висконти, миланцы так и не привыкли к республиканскому управлению. Увеличение налогов и принудительный заем для войны с Венецией вызвали всеобщее недовольство и свержение правящей верхушки.

Франческо Сфорца был приглашен занять престол миланских герцогов. Он не забыл поддержки Козимо в трудное для него время. Авторитет Флоренции в Милане неизмеримо возрос; Сфорца считал Козимо своим другом, вовлекал как союзника в политические дела, и тот стал вовсе незаменимым человеком во флорентийском правительстве.

Но за Альпами прекращение династии Висконти вызвало законный интерес Франции. Династические браки издавна связывали миланский и французский правящие дома. Джан Галеаццо в 1386 году женился на 12-летней Изабелле Валуа, ссудив крупную сумму денег ее отцу Иоанну Доброму Французскому, потерпевшему полный разгром при Пуатье и уве-

зенному в плен в Англию. После этого Джан Галеаццо стал прозываться «графом Вирту⁵», так как получил в приданое французское графство Вертю.

Через три года Валентина Висконти, дочь Джана Галеаццо, была выдана за брата французского короля, Людовика Орлеанского. После прекращения в Милане династии Висконти герцогиня Орлеанская рассматривалась французами как единственная законная наследница миланского престола. Такое признание прав Валентины имело далеко идущие последствия. Однако до поры до времени дальше дипломатических заявлений дело не шло.

При дружеских отношениях с Миланом Флоренция не опасалась вооруженных конфликтов на севере и продолжала цвести и богатеть. Зачинщик несогласия Альбицци и его главные приспешники оставались в пожизненном изгнании. Других же, не столь замешанных, Козимо как государственный человек не стал подвергать высылке. Вместо жестокого возмездия своим врагам он только незаметно наблюдал за ними и никогда им полностью не доверял. Но и в притеснениях замечен не был. Если бы он оставил воспоминания, то с полным правом мог бы сказать, что в его правление не было ни одной смертной казни.

Именно с именем Козимо связано начало эпохи Кватро-ченто (от ит. quattrocento – четырехсотые годы), периода

⁵ По-итальянски «вирту» – добродетель. Обыгрывается совершенная беспринципность Джан Галеаццо и буквальное значение его нового титула.

диктатного Возрождения в Италии. Благодаря ему Флоренцию – «дочь Афин, мать философии» – сегодня называют колыбелью гуманизма.

Однако Медичи не были первооткрывателями литературы и высоких искусств. Казалось, с давних пор сама земля Тосканы производит и питает таланты. Куртуазная поэзия, шедшая с европейского севера и с провансальского юга, удачно сомкнулась во Флоренции, где знатный Гвидо Кавальканти (ок. 1260–1300) и целая плеяда способных молодых людей из магнатской и пополланской верхушки придали ей рафинированность и завершенность.

Уроженец Флоренции Данте Алигьери (1265–1321), не только философ и политический мыслитель, но и знаменитый поэт, создал «Божественную комедию» – своего рода энциклопедию средневековой итальянской жизни и истории. Данте подобрал все, что было значительного в недолгой истории итальянской литературы, начавшейся с 30-х годов XIII века.

Вблизи Флоренции, в городке Ареццо, родился великий итальянский гуманист, поэт, философ и общественный деятель Франческо Петрарка (1304–1374), который считается родоначальником гуманизма эпохи Возрождения. Человек не менее сложных противоречий, чем его предшественник Данте, Петрарка стал выразителем новой идеологии, целью которой видел совершенствование человека. Его поэтический гений завоевал славу, равную Данте. Он создал бле-

стоящие произведения на итальянском языке и латыни, отдавая предпочтение классической филологии. Латынь Петрарки была «изысканной и беглой», его итальянский – «игра живых метафор и аллегорий».

Флоренция воспитала Джованни Боккаччо (1313–1375), здесь он написал «Декамерон», ставший образцом совершенства языка и стиля для итальянских авторов, классикой мировой литературы.

Менее известен гуманист Колюччо Салютати (1331–1406), сочетавший занятия наукой с политической деятельностью, более 30 лет занимавший должность канцлера Флорентийской республики. Основной идеей его творчества стал тезис: поскольку базой законов является справедливость, уважение к ним есть добродетель, а высшее ее проявление – любовь к отечеству. «Две вещи есть среди самых приятных, – писал Салютати, – родина и друзья».

Писатели и философы принимали самое непосредственное участие в политической жизни Флоренции, часто приобретая репутацию истинного гражданина и патриота, виртуозно исполняли дипломатические поручения. Гуманисты становились властителями душ молодежи и формировали общественное мнение.

Во Флоренции творили всемирно известные живописцы Чимабуэ, Фра Анжелико и Джотто ди Бондоне (ок.1266–1337), скульпторы Никколо Пизано (1205–1278), Оттавио Джованноцци и ди Камбио, архитекторы Таленти и др.

На Апенинском полуострове, где наиболее решительно был сломлен старый уклад жизни, Возрождение (Ренессанс)⁶ началось раньше и проявилось ярче, чем в других западноевропейских странах. И самыми быстрыми темпами развитие новых идей шло во Флоренции.

Одним из первых в городе и во всей Италии Козимо стал собирать вокруг себя людей науки и искусства, не жалея средств для приобретения картин, статуй, редких фолиантов. Щедрый меценат, он состоял в дружеских отношениях с известнейшими художниками и учеными, которые в городе Медичи создавали величайшие культурные ценности Ренессанса. Его круг общения составляли архитекторы Донателло, Брунеллески, Микеллоццо, семья делла Роббио, художники Филиппо Липпи, Фра Анджело, Доменико Веннециано. Позднее в него влились писатели-гуманисты Анджело Полициано, Веспасиано ди Бистичи, Платина и Пико делла Мирандолла, создававшие здесь свои творения, которые потрясли мир.

Козимо был свидетелем и активным деятелем раннего Возрождения, когда после многих веков духовного застоя появились новые философские воззрения, возникло новое искусство.

Наиболее близок к Козимо был Донателло, который в

⁶ Возрождение, или Ренессанс – термин, обозначающий эпоху, начавшуюся в XIV–XV веках и закончившуюся в XVI веке. Люди Возрождения склонны были рассматривать новую культуру, прежде всего, как восстановление, возрождение древней, античной культуры.

1430 году создал для дворца Медичи свою знаменитую «Юдифь», которая позже стала символом республики и была выставлена перед Старым дворцом (палаццо Веккиа). Брунеллески начал работу для семьи правителей строительством церкви Сан-Лоренцо, которую Донателло после возвращения из Падуи (Козимо в это время уже умер) украсил своими последними произведениями – тремя церковными кафедрами. Филиппо Липпи создал для этой церкви прекрасное «Благовещение». Микелоцци, которого Козимо выделял из всех архитекторов, построил перед дворцом Виа Ларга монастырь Сан Марко, такой же, как для доминиканцев во Фьезоле. Потворствуя вкусам своего заказчика, он предусмотрел в монастыре великолепную библиотеку в своей манере: с просторными залами, с ритмично чередующимися арками, свойственными интерьерам флорентийского ренессанса. В ответ монахи-доминиканцы в знак почтения выделили Козимо отдельную келью, куда он мог удаляться для размышлений.

Больше всего Козимо любил книги. Это увлечение разделял с ним его личный друг Никколо Николи, богатый купец, истративший все состояние на приобретение фолиантов. В своих библиотеках приятели собрали множество раритетов, рукописных и печатных. Эти книги стали основой первой со времен античности публичной библиотеки, основанной Козимо по завещанию Никколо.

Козимо не был чужд не только латыни, но и греческого

языка; не будучи ученым-эрудитом, он любил обращаться к древней литературе, участвовал в обсуждении философских тем с виднейшими мыслителями своего времени. Его непосредственными учителями были Роберто Росси и Хризолор.

Повсюду в Италии проводились археологические раскопки. Флоренция ввела в моду коллекционирование произведений античного искусства. Город являлся обширным питомником, в котором Европа черпала зодчих, скульпторов, живописцев, ювелиров. Определение «флорентийский мастер» означало знак качества, и постепенно мастера из умелых ремесленников превращались в творцов, осознающих свою уникальность и избранность.

Филиппо Липпи (1406–1469), беспокойная, горячая натура, не успел кончить один из многочисленных уже оплаченных ему заказов, и вдруг почувствовал, что его тянет в другое место. Когда на него пожаловались Козимо, тот сказал: «Оставьте перед ним двери открытыми. Художники – не выучные животные. Их нельзя ни запирать, ни принуждать к работе...». Козимо не стал удерживать Филиппо, несмотря на то, что выплатил ему вперед большую сумму. Когда Липпи похитил из монастыря принявшую обет Лукрецию Бути и влюбленным грозили церковные кары, Козимо ходатайствовал перед папой римским об освобождении обоих от обета ввиду великого таланта Филиппо.

Столь же заботливо и рачительно он относился к представителям естественных наук. Знаменитый математик, астро-

ном, врач, философ и географ Паоло Тосканелли обогащал своими изысканиями престиж города и получал содержание от правителя. Тосканелли впервые определил широту и долготу Флоренции, вычертил карту, благодаря которой стало возможным путешествие его ученика Колумба и открытие Америки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.